

УПРАВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ г. ПЕНЗЫ
Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение
Средняя общеобразовательная школа № 74 г. Пензы

XXVI научно-практическая конференция школьников г. Пензы
“ Я исследую мир”

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ

Феномен двойничества серебряного века в творчестве С.А. Есенина.

Выполнили: Колесникова Валерия Александровна,
Рамазанова Суанат Рамидовна,
Казакова Марина Вячеславовна,
Ученицы 10 “А” класса.

Научный руководитель:
Пугачёва Татьяна Юрьевна,
учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 74.

Пенза 2021

Содержание

Глава 1. Феномен двойничества серебряного века.....	3
Глава 2. Проявления двойственности в творчестве Сергея Александровича Есенина.....	4
Глава 3. «Черный человек» С.А. Есенина.....	12
Заключение.....	15
Литература.....	17

Глава 1. Феномен двойничества серебряного века.

Феномен двойничества, свойственный ментальности русской культуры более всего обостряется в переломные моменты культурно-исторического развития, что обусловлено общей неустойчивостью, кризисом общественного сознания, мироощущения. Одним из таких переломных моментов развития России является рубеж XIX-XX веков. Вся русская культура этого периода представляет собой в целом культурно-историческое перепутье.

На современном этапе культурно-исторического развития проблема двойничества снова становится актуальной, так как сейчас Россия находится на очередном повороте своего развития, что сказывается на художественном сознании эпохи. Можно сказать, что в современной культуре снова обостряется извечная проблема человека - проблема самопознания.

Таким образом, исследование феномена двойничества является актуальным, так как помогает понять особенности сегодняшнего культурного сознания.

Отмечая многозначность понятия двойничества, следует сказать, что оно используется в следующем значении: двойничество - самоотчуждение личности, разделение её сознания на две противоположные сферы, которые отрицают друг друга, внутренний разлад со своей сущностью, который олицетворяется в образе двойника, который осознаётся как реально существующий.

Рубеж веков в России характеризуется небывалым социальным напряжением, обострением политических противоречий. Атмосфера этого периода - это атмосфера кризиса, невиданных перемен и мятежей - двух войн, трех революций. Вспоминая особенности социально-экономического развития России, особое внимание следует обратить на технические новшества. Они вызвали удивление и восхищение: А. Блок писал о первых авиаторах, З. Гиппиус посвятила стихотворение электричеству. Но наступление века машин имело и другие последствия для творческой личности: в нем видели угрозу обезчеловечивания, подавление индивидуальности.

Феномен двойничества в художественной практике романтизма в большой мере обусловлен концепцией двоемирия - разделением мира на мир реальный, действительно существующий и нереальный, фантастический мир, мир мечты, грёз, существующий в сознании романтического героя. Именно этот принцип и обуславливает обращение романтиков к проблеме двойничества как к проблеме раскола человеческого сознания, раздвоения целостности личности, реализующегося в появлении двойников.

Изучаемый феномен в творчестве русских писателей XIX века воплощался по-разному.

Так, например, в творчестве М.Ю. Лермонтова феномен двойничества отражается, концентрируясь в образах демонических героев, которые характеризуются своей внутренней противоречивостью. При этом демонические герои Лермонтова являются некими двойниками самого поэта, олицетворением его самосознания, его мятежной души.

В творчестве Н.В. Гоголя феномен двойничества проявляется на уровне расщепления сознания его героев, что во многом обусловлено смешанным, противоречивым миром, в котором реальность переплетается с фантастикой. Писатель основной акцент делает на изображении двойственности современного мира, мира вещественного, который срывается со своих привычных точек, превращаясь в фантастический. Но также Н.В. Гоголь уже намечает состояние кризисности человеческого сознания, приводящие к его раздвоению.

Итак, феномен двойничества в русской литературе XIX века преломлялся по-разному, но цель у писателей была одна - показать раздвоенность сознания современного им человека, потерю его

внутренней целостности в силу различных причин, порождённых неустойчивостью, нестабильностью общественного развития.

Нужно отметить, что феномен двойничества вообще является одной из характерных черт ментальности русской культуры, и, наверное, поэтому так ярко воплощается в творчестве русских деятелей культуры.

Размышления над противоречивым, двойственным характером менталитета родной культуры нередко ставили в тупик отечественных философов, мыслителей, которые задумывались над проблемами национального своеобразия культурного наследия России. Внутренняя поляризованность русской культуры на разных этапах исторического развития выражалась различно: то как оседлость и кочевничество, то христианство и язычество, то земство и опричнина, то церковность и секуляризация, то западничество и славянофильство, то революция и реакция, то федерация и Империя.

Для русской культуры рубежа веков, по мнению И.В. Кондакова, характерно соединение творческой ориентации на вершины духовной культуры XIX века, и стремление пересмотреть ценности прошлого, выработать новый подход к культуре, что породило немало острых противоречий, создавших внутреннее напряжение эпохи русского культурного ренессанса. Косвенно эта двойственность отразилась в другом распространенном названии эпохи русской культуры конца XIX - начала XX веков - культура «Серебряного века». Можно сказать о том, что сама культура Серебряного века понималась как подобие культуры века золотого, как его отражение.

Подобная внутренняя двойственность, культурно-историческая противоречивость Серебряного века русской культуры не могла не сказаться на самом мирозерцании деятелей культуры этого времени.

Итак, как уже было сказано, в культуре Серебряного века феномен двойничества предельно актуализируется. Трагизм, неустроенность пронизывают всю духовную атмосферу эпохи, обостряя кризис сознания. Сознанию не на что опереться, ибо все прежние опоры разрушены, и это порождает его неизбежное двоение.

Глава 2. Проявления двойственности в творчестве Сергея Александровича Есенина

С наибольшей остротой обнаружения двойничества на рубеже XIX-XX веков, мы обратимся к творчеству Сергея Александровича Есенина, в художественном сознании которого данный феномен актуализируется особенно ярко. Мы попробуем проследить эволюцию двойничества от ранней лирики Есенина до его заключительного произведения «Черный человек».

Основной чертой всего творчества Есенина была трагедия – трагедия человека, оказавшегося в промежутке между двумя эпохами в период великой исторической ломки. Его сознание особенно ярко, болезненно воспринимало все происходящее вокруг и это отражалось в его творчестве, воплощавшем его трагическое мироощущение.

Личность Есенина и его творчество можно назвать наиболее ярким, открытым примером проявления двойничества. Трагедия Есенина, погубившая его, заключалась именно в расхождении его сознания на резко полярные полюса, олицетворявшиеся по его же словам, в образе «ангелов» и «чертей», которые постоянно противостояли друг другу в его душе, вели непрестанную борьбу. Эти самые «ангелы» и «черти» одновременно уживаются в душе Есенина, периодически преобладая одни над другими. Двойственность заметна и во всех его стихах, и в самой жизни поэта, которую он всецело подчинил своему творчеству. Нередко на задний план отступали любовь, семья, дом. Поэтому многим, знавшим Есенина, он казался странным. К нему относились «как к чудаку или немного ненормальному».

Это раздвоение отразилось во всем творчестве поэта, которое, по сути, является автобиографией его души. Другими словами, можно сказать, что в своем творчестве Есенин осознавал и описывал причины, пути раздвоения своего сознания.

Вообще, в рамках литературы в целом, Есенина принято считать «крестьянским» поэтом. Но, на наш взгляд, это определение для таланта Есенина является очень узким и не играет доминирующую роль в его творчестве. Многие считают, что если Есенин вышел из крестьянской среды и не получил должного образования, то вряд ли можно говорить о его связях с литературными традициями. Но мы полагаем, что данное мнение является ошибочным. Нужно сказать, что распространению подобных суждений о себе во многом способствовал и сам поэт, который, видя, что окружающие принимают его за некоего крестьянского “Леля”, “пастушка”, начинал подыгрывать им, закрепляя за собой этот образ. Поэт В.И. Эрлих приводил в своих воспоминаниях слова Есенина: «Знаешь, я ведь теперь автобиографий не пишу. И на анкеты не отвечаю. Пусть лучше легенды ходят! Верно?».

Хотя круг знакомств Есенина был очень обширным, по-настоящему хорошо знали и понимали его немногие. На основе воспоминаний тех близких ему людей, которые сумели разглядеть его подлинную душу, постоянно прячущуюся за различными масками, сейчас можно составить правдивый образ поэта, развенчав созданный о нём миф.

Можно утверждать, что влияние на творчество С. Есенина литературных традиций было велико. Основываясь на документальных фактах, мы можем говорить о большом влиянии, которое оказали как на сознание поэта, так и на его творчество такие таланты русской литературы, как, например, Пушкин и Лермонтов: «В середине 20-х годов Есенин любил говорить об А.С. Пушкине и М.Ю. Лермонтове как о своих поэтических предшественниках». Упоминание о них, «ушедших и великих» можно найти в его стихах («На Кавказе», «Русь бесприютная», «Письмо к сестре»).

Также неоднократно Есенин упоминал о своем отношении к Н. В. Гоголю. И.Н. Розанов в своих воспоминаниях о С. Есенине приводил следующие слова поэта: «С течением времени все больше и больше моим любимым писателем становился Гоголь. Изумительный, несравненный писатель...».

Таким образом, мы, говоря о преломлении феномена двойничества в творчестве Сергея Есенина, можем рассуждать о художественных традициях данной проблемы, решаемой в творчестве писателей, поэтов XIX века, которые оказали определенное влияние на творческое самосознание С. Есенина.

Общность между Есениным и различными линиями традиций классической и новой поэзии легко подтвердить цитатами. Есенин неоднократно упоминал о значительном влиянии на него Блока, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Кольцова, Клюева, Белого и других. Но при этом постоянно подчеркивал: «Крайне индивидуален».

Творчество Сергея Есенина можно охарактеризовать как противоречивое, неоднозначное, сложное, загадочное явление в русской поэзии.

Личность поэта в оценках современников представляется крайне парадоксальной. Одни говорили о его «обаянии, привлекавшем к нему самых различных людей», о его «добром, необыкновенно отзывчивом отношении к людям». Другие называли его буйствующим скандалистом, живущим «в красном тумане особого, русского пьянства», писали о его подозрительности и мнительности в отношении с людьми: «Он всегда высасывал из пальца своих

врагов». Как правильно заметил А.К. Воронский: «Образ Есенина двоится. Было два Есенина ...». «В жизни он бывал и нежен, трогателен, и несносен – в буйстве душевного разора. Я видал его мягким, спокойным, внимательным; видел и в состоянии, граничившем с помешательством ...» – вспоминал И.Г. Эренбург.

Редкий поэт вызывал такие полярные оценки современников, и одновременно был так популярен и любим своим народом. Есенина называли «певцом голубени», «цветком неповторимым», «беспутным гением»; одни превращали его в большевистского поэта, другие – в самого яркого представителя антибольшевизма и религиозного мистика.

Таким образом, мы можем судить о расхождении личностного сознания поэта, раздвоении в его образе. Кроме того, на всем его творчестве лежит отпечаток его душевной раздвоенности, порождённой мучительной потребностью понять себя, мир, который его окружает, найти свое место в жизни.

Раздвоенность внутреннего “я” поэта начала прослеживаться еще в раннем творчестве

В.В. Мусатов указывает на опасное двоение лирического героя С. Есенина даже в пределах одного стихотворения:

Пойду в скуфье смиренным иноком

Иль белобрысым босяком.

С одной стороны, лирический герой Есенина предстает тихим и кротким, как и горячо любимая им родина, исполненным грусти, благоговения, он молится на «копны и стога», «на алы зори», «причащается у ручья». С другой стороны, он с отроческих лет полон буйной страсти:

Зацелую допьяна, изомну, как цвет

Хмельному от радости пересуду нет.

в нем, как и в русском народе, есть нечто лихое, разбойное:

Не одна ведет нас к раю

богомольная тропа.

Не исключает он и такого:

Я одну мечту, скрывал, нежу,

Что я сердцем чист.

Но и я кого – ни будь, зарежу

Под осенний свист.

Уже в раннем возрасте Есенин приходит к выводу: «...жизнь – это глупая шутка. Все в ней пошло и ничтожно. Ничего в ней нет святого, один сплошной хаос разврата...». Он ощущает свое одиночество и неприкаянность: «...Я один, и никого нет на свете, который бы пошел мне навстречу такой же тоскующей душой ... Я пошел бы с ним от этого чуждого мне мира ...». (Из письма С. Есенина М.П. Бальзамовой, Москва, 1912-1913 гг). Из этих слов явно видно, что поэт ощущает себя, «выпавшим» из жизни, не вписывающимся в нее.

В пору юности Есенин уже думает о скорой смерти. В стихотворении «Край любимый! Сердцу снятся ...», он писал:

Все встречаю, все приемлю
Рад и счастлив душу вынуть
Я пришел на эту землю
Чтоб скорей ее покинуть.

М. Пьяных отмечал следующую противоречивость лирического героя поэта: «Влюбленный в Родину и женщин, во всю земную жизнь, в ее живую плоть, молодой Есенин мечтает о мирах иных, идеальных».

Таким образом, в раннем творчестве Есенина на фоне спокойных, просветленных, гармоничных мотивов уже прорываются настроения, предвосхищающие мотивы цикла «Москва кабацкая». Здесь уже звучит горестное признание поэта в душевной усталости, неприкаянности.

Также нужно сказать о том, что некоторые исследователи, в частности О.Е. Воронова, рассматривают эволюцию мотивов тоски и упадничества в поэзии Есенина в их метафизическом аспекте.

Экзистенциальная проблематика в творчестве Есенина связана с отражением кризисного сознания современного человека, с феноменом «отчуждения» и «самоотчуждения» личности, переживающей драму утраты своих корней, связи с миром. Критическое состояние духа, как утверждает экзистенциальная философия, обуславливается обострением внутренней дисгармонии личностного сознания, что может привести к раздвоению личности.

Яркий пример такого самоотчуждения мы наблюдаем в есенинской поэме «Черный человек», в образе его демонического двойника.

Но предвестники этого «черного» двойника появляются в поэзии Есенина и гораздо раньше, начинают прослеживаться в его ранних произведениях.

Впервые трагический экзистенциальный феномен «самоотчуждения» запечатлен в стихотворении «День ушел, убавилась черта...» (1916 год). Его метафизический «код» заключен в мотиве призрачности, неистинности «наличного бытия», трагически переживаемого героем, его неподлинное «я» превращается в некую странствующую тень, находящуюся в поисках нового воплощения, пристанища:

С каждым днем я становлюсь чужим
И себе, и жизнь кому велела.
Где-то в поле чистом, у межи,
Оторвал я тень свою от тела.

Уже здесь впервые отчетливо намечена тема двойничества, которой сопутствует мотив отчуждения личности от собственной «экзистенции».

В одном из ранних стихотворений Есенина есть строчка: «Я говорю с самим собой». Она отражает столкновение противоположных начал, систему раздвоения самоощущения поэта.

Итак, можно сказать, что феномен двойничества был присущ художественному сознанию Есенина изначально, проявляясь уже в его ранних произведениях. В дальнейшем, раздвоенность его внутреннего мира будет обостряться еще сильнее под влиянием внешних обстоятельств. В его творчестве всё более явственно будет ощущаться присутствие его «черного» двойника, порожденного сумятицей в душе поэта.

На раздвоение сознания Есенина большое влияние оказывает революция 1917 года, оценки которой в его творчестве были крайне противоречивыми.

Произошедшая революция всколыхнула сознание народа. Не мог остаться к ней безучастным и Есенин. Все коренные изменения, происходящие в стране, еще больше расшатали его душевную неустойчивость, породили в его душе новые сомнения.

Есенин встретил революцию с вдохновением и восторгом. «В эти месяцы, - вспоминал его друг В.С. Чернявский, - были написаны одна за другой все его ... поэмы о революции ... Он был весь во власти своей «есенинской Библии...». «Поэтическая Библия» состояла из 10-ти «маленьких поэм»; «Певущей зов», «Отчарь», «Откоих», «Пришествие», «Преображение», «Инония», «Сельский часослов», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик» и «Пантократор», в которых Есенин воспевал преобразования в стране.

В этих его произведениях отражается восторженное впечатление от произошедшей революции, выражаются надежды на светлое будущее:

Новый сеятель

Бродит по полям

Новые зерна

Бросает в борозды

Светлый гость в колымаге

К вам едет. (Преображение», 1917 год).

Таким видится Есенину Образ революции. Но в то же время он словно начинает сомневаться в правильности происходящего, увидев изнаночную сторону тех преобразований, воспеваемых им. В стихотворении «Кобыльи корабли» (сентябрь 1919 год) уже звучит насмешка над теми, кто, ничего не видя и не понимая, стремится в новую жизнь, а также над самим собой, еще недавно тоже стремившемся туда же:

Видно в смех над самим собой

Пел я песнь о чудесной гостье.

Итак, мы видим, какое смятение царило в душе Есенина, как он страдал от того, что не мог понять и однозначно принять то, что происходило в его стране. Позже, в стихотворении «Письмо к женщине» (1924 год) он сравнит себя с лошастью, которой не по своей воле приходится скакать неизвестно куда и зачем, и повернуть назад она не может:

Не знали вы, что я в сплошном дыму

В развороченном бурей быте

С того и мучаюсь, что не пойму

Куда несет нас рок событий.

Есенин явно не относил себя к тем, кто “остался крепким в качке”. И это время всеобщего хаоса оказалось очень удачным для того, чтобы наружу беспрепятственно смог выйти его «двойник» – «Черный человек», который будет преследовать поэта до конца его жизни, то подавляя своим напором, то немного отходя в сторону. «Двойник» этот выступает в образе «хулигана», дебошира, поражающего окружающих своей грубостью и дерзостью, при этом склоняющегося «над стаканом, чтоб не страдая ни о ком, себя сгубить в угаре пьяном».

Этому «черному двойнику» противостоит светлый образ измученной, страдающей души поэта. По мнению М.И. Шубниковой – Гусевой, лирический герой Есенина, именующий себя «хулиганом», поражал нарочитостью своей вызывающей позы, смысл которой состоял в том, чтобы пробудить в людях сострадание к ближнему, «осветить потемки чужих душ».

Итак, причина душевного кризиса Есенина в большой мере была обусловлена его растерянностью перед «Бурей революцией», перед «роком событий». Он очень болезненно ощущал затерянность отдельного человека в этой «буре», полную оторванность от мира, от своих корней, от всего того, на что раньше он мог опереться.

По мнению А.А. Волкова, в чувствах Есенина оказалось что-то в противоречии с великим социальным переломом, который разумом он принимал. У него происходит разлад между чувствами и разумом.

Раздвоение его сознания, мироощущения было порождено трудными попытками примирить старое и новое, понять новую действительность, найти в ней источник поэтического вдохновения.

В книге стихов «Москва кабацкая» мы видим эту двойственность – она выражается в контрастах жестких буйных всплесков и светлых лирических образов, в резких перепадах от отчаяния к надежде, от бунта к смирению.

Современники поэта отмечали, что душа Есенина была «полем брани света с тьмой». А. Воронский говорит о «борьбе двух душ»: «Два человека вели в нем тяжелую, глухую, постоянную тяжбу: юноша с кроткими глазами, более синими, чем небо... - и городской гуляка, забияка, скандалист и озорник...».

Б. Зубакин в одном из писем М. Горькому писал о Есенине: «Шло от него прохладное и высокое веяние гения. Лукавый, человечно-расчетливый, двоедушный – вдруг преображался, и все видели, что ему смешны все расчеты земные – и слова, и люди, и он сам себе ... Он становился в такие минуты очень прост и величав – и как-то отсутствующ... Он не был «падшим ангелом», он был просто ангелом – земным». С другой стороны – в письме М.П. Бальзамовой (1914 год) Есенин замечал, что «продал свою душу черту, - все за талант». Известна также дарственная надпись Есенина приемной дочери его жены А. Дункан Ирме на книге «Пугачев»: «Ирме от черта».

Французский исследователь творчества С. Есенина Мишель Нике, как и многие, подчеркивал разделение его сознания на две противоположные стороны, называя Есенина «поэтом тишины и буйства».

«На смену бурным страстям и диссонансам «Москвы кабацкой» в поэзию Есенина входит «иная жизнь, иной напев». Герой снимает маску скандалиста и хулигана, и обнаруживает свою истинную суть – мудрого философа» – считает Н.И. Шубникова-Гусева /71/. Его наконец-то успокоившаяся душа теперь мирно созерцает все происходящее вокруг, придя к осознанию, что земная жизнь – это только временное, проходящее явление, и что сожалеть о прошедшем – бесполезно. Этому свидетельствуют следующие строки его стихотворения «Отговорила роща золотая...» (1924 год), полные философского смысла:

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –

Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.

О всех ушедших грезит конопляник

С широким месяцем над голубым прудом

Стою один среди равнины голой,

А журавлей относит ветер в даль,

Я полон дум о юности веселой,

Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Есенин принимает жизнь с ее противоречиями, неустройствами, наконец – то успокоившись, «утихнув», и «душой бунтующей навеки присмирив» («Русь советская», 1924год). Так, например, в стихотворении «Видно, так заведено на веки ...» (1925год), Есенин пишет о своем душевном успокоении:

Видно, так заведено на веки –

К тридцати годам перебежась,

Все сильнее, пожженные калеки,

С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,

И земля милей мне с каждым днем.

Оттого и сердцу стало сниться,

Что горю я розовым огнем.

В произведениях С. Есенина, относящихся к последнему периоду его творчества уже нет той тоски, что рвала сердце на части, лирический герой тянется к жизни, к людям. С чувством долгожданного избавления расстается он с «кабацким чадом», с былыми муками.

Но лирический герой позднего Есенина лишь внешне выглядит прохожим и праздным соглядатаем. Его сердце постоянно мучают вопросы, на которые он и не пытается дать ответы, принимая различные позиции и точки зрения. «Русь уходящая», «Русь бесприютная» и «Русь советская» равноправно предстают в поэзии Есенина и вопрос: «Куда несет нас рок событий»? – находит различные ответы в рамках различных произведений.

Также не даст покоя поэту вопрос о роли и значении его творчества. С одной стороны, Есенин уверен в правильности избранного им пути. В начале 1920–х годов он сам очень высоко оценивал

значение своей поэзии, называя себя «суровым мастером» и «самым лучшим поэтом» России («Исповедь хулигана», 1920 год), а также, позднее – «первокласснейшим поэтом ... в столице» («Мой путь», 1925 год). В своем стихотворении «Стансы» (1924 год), Есенин гордо заявляет:

Я вам не кенар!

Я поэт!

И не чета, каким-то там Демьянам.

Пуškai бываю иногда я пьяным,

Зато в глазах моих

Прозрений дивный свет.

С другой стороны, Есенин ощущает ненужность своей поэзии в стране, её несоответствие действительности. В стихотворении «Русь советская», он с горечью осознаёт:

Моя поэзия здесь больше не нужна.

Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен.

Все эти душевные разлады, мучения, сомнения приводят С. Есенина к отчуждению его от жизни и от самого себя. Творчество поэта связано, прежде всего, с отражением кризисного сознания современного человека. Оно показывает объективные духовные процессы, связанные с феноменом отчуждения и самоотчуждения личности, переживающей драму утраты корней, единства с природой, миром, людьми.

На протяжении всего творческого пути С. Есенина можно проследить творческий феномен самоотчуждения, двойничества. Поэт ощущает себя всё более и более чужим самому себе, своей собственной сущности, воспринимает себя как кого-то другого, на которого он смотрит со стороны.

В стихотворении «Я усталым таким еще не был ...» (1923 год) разрыв между сущностью и существованием поэта очевиден:

Я устал себя мучить бесцельно,

И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле

Тихий свет и покой мертвеца.

Есенин тяжелее, чем кто-либо другой переживал в самом себе духовную болезнь самоотчуждения, осознание существования своего «двойника», поэтому его лирика столь трагически исповедальная.

Кульминацией накала душевных страстей поэта, наибольшего проявления его раздвоенности, отчуждения от самого себя является его поэма «Черный человек», окончательно завершённая им в ноябре 1925 года, незадолго до гибели. Здесь уже не завуалировано, а очень отчетливо проявляется его «черный двойник», который не давал ему покоя на протяжении многих лет. По мнению А.А. Волкова, есенинский Черный человек – это часть самого поэта, его двойник, которому он отдает самое дурное, уродливое, что есть в нем.

По словам С.Н. Кирьянова, «поэма является собой поэтический вариант духовной автобиографии поэта, опыт его трагически глубокого самопознания».

О.Е. Воронова считает, что в центре поэмы оказывается трагический феномен «самоотчуждения», принимающий характер раздвоения личностного сознания. Есенин строит свое произведение, как исповедальный диалог, персонифицируя темные, болезненные стихии души лирического героя в образе его демонического двойника – «Черного человека», который терзает свою жертву, обвиняя её во всех смертных грехах: лицемерии, расчётливости, распущенности.

Разрыв между сущностью и существованием начинается для героя с болезненного, отчужденного восприятия своего внешнего «я»:

Голова моя машет ушами

Как крыльями птица.

Ей на ноги

Маячить больше невмочь.

И заканчивается смертельной дуэлью со своим внутреннем alter ego, явившемся к нему из темных глубин зазеркалья:

Я взбешен, разъярен,

И летит моя трость

Прямо к морде его,

В переносицу

Глава 3. «Черный человек» С.А. Есенина.

Жизненная мелодия поэзии Сергея Есенина резко изменилась в его последние годы жизни, в 1924-1925-м годах. Кульминацией трагического накала душевных страстей поэта, наибольшего проявления его раздвоенности, является его поэма «Черный человек». Здесь очень отчетливо проявляется его «черный двойник», который не давал ему покоя на протяжении многих лет.

В поэме «Черный человек» Есенину, благодаря своему двойнику, приходится заглянуть за грани реального, ощутить себя отпеваемым заживо, увидеть «мерзкую книгу» своих проступков и прегрешений:

Черный человек

Водит пальцем по мерзкой книге

И, гнусавя надо мной,

Как над усопшим монах,

Читает мне жизнь

Какого - то прохвоста и забулдыги,

Нагоняя на душу тоску и страх

Именно в эти минуты, по мнению О.Е. Вороновой, демонизм внешних сил бытия сталкивается со своим внутренним проявлением - двойничеством, вызывая в человеке поистине мистический ужас.

Есенинский «Черный человек» представляет собой фантом «неподлинного» существования, которому лирический герой отчаянно пытается противостоять, вступая в бескомпромиссный поединок с «черным» призраком.

«Черный человек» - двойник самого поэта, обвиняет его в двоедушии, лицедействе, самообольщении, иронизирует над его жизненными принципами:

Счастье - говорил он, -

Есть ловкость ума и рук.

Все неловкие души

За несчастных всегда известны.

Это ничего,

Что много мук

Приносят изломанные

Лживые жесты

Кроме того, двойник Есенина с пренебрежением отзывается о даровании поэта, оценивая его поэзию, как «дохлую, томную лирику». Для поэта, который готов был «всю душу выплеснуть в слова» - это горькое признание.

Ночной гость в своих обвинениях уличающе беспощаден:

Словно хочет сказать мне,

Что я жулик и вор,

Так бесстыдно и нагло

Обокравший кого - то.

Важно подчеркнуть: «черный человек» не произносит подробных слов, их договаривает за него сам лирический герой, «вычитывая в его обличающих монологах некий недосказанный, лишь им двоим ведомый смысл». И это неслучайно, ибо, по словам В.К. Махлина: «...переживание Двойника ... тесно и остро связано с самопереживанием, отношением человека к самому себе, к тому в себе, что он знает, но не любит и не может признать, стремится вывести за порог сознания...».

Феномен двойничества, проявляющийся в олицетворении тёмных сторон сознания Есенина, в

поэме «Черный человек» выражен наиболее ярко, отчетливо. Ночной гость является лирическому герою не как бесплотный призрак его больного, раздвоенного сознания, а как вполне самостоятельный субъект. Лишь постепенно, финалу поэмы выясняется, что это «двойник - самозванец», оптический подлог зеркального отражения.

Важно заметить, что выявлению природы духовного конфликта героя произведения со своим двойником способствует эффект «двойного узнавания»

Лирический герой вначале с чувством внутреннего протеста узнаёт себя в некоем третьем - «прохвосте и забулдыге», в «авантюристе», о котором ведёт речь ночной визитёр. В финале, когда в разбившемся зеркале исчезнет дьявольское наваждение, произойдет еще одно - на этот раз действительно трагическое узнавание своего второго «Я» в облике исчезнувшего в зазеркалье недавнего оппонента. При свете утра станет очевидным, что навязчивый ночной гость не противник, пришедший из внешнего мира, а посланник неких демонических стихий из глубин его собственной души:

Я в цилиндре стою.

Никого со мной нет.

Я один...

И разбитое зеркало.

Финал поэмы толкуется есениноведами по-разному. Одни видят в нем «надежду на нравственное выздоровление героя», для других он символизирует «разбитую вдребезги жизнь». Всё же предельно суровый самоанализ знаменует отчаянную попытку преодоления своего трагического раздвоения и обретения цельности. Лирический герой поэмы не только переживает процесс трагического самоотчуждения, но и пытается противостоять ему.

«Музой Есенина была совесть. Она и замучила его» - писал поэт и прозаик русского зарубежья Н. Оцуп. Сходную мысль высказала в своё время и М. Цветаева, подчеркнув, что Есенин «погиб из-за чувства очень близкого к совести...».

Подводя итог, нужно сказать, что поэма Сергея Есенина «Черный человек» предельно остро выражает всё то, что мучило его на протяжении многих лет - душевное противоречие, невозможность примириться с самим собой, понять себя. Его произведение является итогом всего его творчества, оно создавалась автором на протяжении нескольких лет. Поэт В. Наседкин, муж сестры Есенина, писал: «над «Черным человеком» Есенин работал два года. Эта жуткая исповедь требовала от него колоссального напряжения и самонаблюдения. Я дважды заставлял его пьяным в цилиндре и с тростью перед большим зеркалом с непередаваемой нечеловеческой усмешкой, разговаривавшим со своим двойником - отражением или молча наблюдавшим за собою и как бы прислушивающимся к самому себе» Поэма была опубликована только после смерти поэта, и вызвала полярные оценки.

Таким образом, в поэме «Черный человек» предельно и наиболее чётко обозначен феномен двойничества. Эта поэма подводит итог всему творческому пути Есенина. Двойник, мучивший Есенина всю его жизнь, и так или иначе проявляющийся во многих его произведениях, в поэме «Черный человек» материализуется, предстаёт перед поэтом во плоти. Есенин открыто признаётся самому себе и всему миру в своём раздвоении, ибо его двойник настолько тяготит его, что он уже не может с ним справиться.

Поэтический мир С.А. Есенина в данной работе был рассмотрен как ещё один значительный факт художественного сознания эпохи. Феномен двойничества, наиболее ярко проявляющийся в художественном самосознании С.А. Есенина, отчетливо обнаруживается в

динамике его творчества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ, мы пришли к выводу, что феномен двойничества является одной из характерных черт художественного и культурного сознания Серебряного века. Двойничество в культуре Серебряного века воплощается как категория культурного сознания эпохи, и находит выражение в художественном творчестве различных деятелей культуры. Мотив двойничества является сквозным и смыслообразующим в творчестве многих писателей, поэтов, художников рубежа XIX - XX веков. Таким образом, рассмотрев творчество С. Есенина, мы проследили эволюцию мотива двойничества, являющегося для него основным.

Нужно сказать, что, проследив эволюцию мотива двойничества в творчестве Сергея Есенина, мы на конкретном примере подтвердили тот факт, что феномен двойничества в культуре Серебряного века необычно актуализируется и является основополагающим для мировоззрения данной эпохи.

Художественное сознание Есенина, раздваивается, внутренний мир его произведений разрушается. Это связано с тем, что для его мироощущения характерно чувство утраты связей с жизнью, потери нравственных ориентиров. Его утопическая идея воплотить жизнь в творчестве, прийти к некоему идеалу, – к гармонии мира, рухнула, и Есенин остался ни с чем. Вся его жизнь заключалась лишь в его творчестве, кроме его стихов у поэта в этой жизни не было больше никаких «причалов», и поэтому, когда Есенин осознает, что использует свой талант в холостую, бесполезно, это неизбежно приводит к его гибели. Творчество С. Есенина, полное трагизма, характеризуется раздвоением его личностного сознания, отчуждением от своей сущности, и это связано, прежде всего, с кризисным сознанием самой эпохи. Итак, феномен двойничества в творчестве русских писателей XIX века преломлялся по-разному, но цель у культурных деятелей была одна – показать раздвоенность сознания современного им человека, потерю его внутренней целостности в силу различных причин, порожденных неустойчивостью, нестабильностью общественного развития. Выявив истоки феномена двойничества, мы можем говорить о его актуализации в художественном сознании рубежа XIX-XX веков.

ЛИТЕРАТУРА

- Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы /Сост. Н.И. Шубникова-Гусева.- М.: ТЕРРА; Республика, 1997
- С.А. Есенин: проблемы творчества, связи.- Рязань: Издательство РГПУ, 1995
- Чернявский В.С. Три эпохи встреч // Есенин в воспоминания современников: в 2х томах, том 1.- М.: Наука, 1986,-С. 220
- Изряднова А.Р. Воспоминания // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. - М.: ТЕРРА; Республика, 1997,-С. 55
- Лермонтовская энциклопедия /ред. В.А. Мануйлова. - М.: «Советская энциклопедия», 1981
- Розанов И.Н. Воспоминания о С.Есенине // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. - М.: ТЕРРА; Республика, 1997,-С. 292-305
- Блок А.А. Лирика / Сост. и коммент. В.Г. Фридлянд М.: Правда, 1985.
- Пьяных М. Трагический Есенин //Нева 1995 №10.-С.175-182
- Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы. Проза /Сост. Н.И. Шубникова-Гусева. - М.: ТЕРРА; Республика, 1997
- Воронова О.Е. Мотивы демонологии в поэме «Черный человек» // Филологические науки 1996 №6.-С. 92-100
- Воронова О. Е. Философский смысл поэмы Есенина «Черный человек» // Вопросы философии 1997 №6.-С. 343-353
- Александр Блок в воспоминаниях современников. - М.: Наука, 1980.
- Волков А.А. Художественные искания Есенина. - М.: Наука, 1976.
- Воронова О.Е. Мотивы демонологии в поэме «Черный человек» // Филологические науки. - 1996. - №6.
- Кириянов С.Н. Поэма «Черный человек» в контексте творчества С.А. Есенина. - Тверь.: Издательство ТГУ, 1998.
- Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. - М.: Аспект Пресс, 1997.
- Наседкин В.Ф. Из книги «Последний год Есенина» / Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. - М.: ТЕРРА; Республика, 1997.
- Оцуп М.А. Сергей Есенин / Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. - М.: ТЕРРА; Республика, 1997.
- Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы. Проза /Сост. Н.И. Шубникова-Гусева. - М.: ТЕРРА; Республика, 1997.